

Карл Маркс
Karl Marx
(1818-1883)

Выросши в стране и крае, где образованные классы глубоко страдали от духовного дискомфорта, вызванного репрессивными правительственными мерами и общей отсталостью, осознав себя самого в качестве маргинальной личности, глубоко недовольный существующим положением вещей, Маркс был подготовлен к тому, чтобы стать принципиальным критиком существующего порядка. Оружие его критики было отточено в опьяняющей атмосфере радикальных кружков и тайных философских группировок; его полемический дар развился в бесконечных спорах с диссидентствующими товарищами.

Маркс посвятил себя делу открытия для рабочего класса той идеологической завесы, которая скрывала от него действительное функционирование существующего порядка. Изображение и анализ анатомии гражданского общества явились для него основным делом жизни. Подобно многим предшественникам, он твердо держался на плечах мыслителей-титанов. Но глубиной проникновения своего видения он обязан не только этому, но также и положению вечного аутсайдера и твердому упорству в предвидении будущего – предвидении, которое было «предопределено» реализовать его рабочей «аудитории». Социолог, конечно, должен отличать пророчество от анализа, но ему следует также всегда помнить, что в случае с Марксом второе не может быть понято без первого. И что парадоксальнее всего, труды этого страдающего чужака принесли пользу не только несчастным смертным, чего он и желал, но также и тем беспристрастным академическим ученым, к которым он всю свою жизнь относился с пренебрежением.

Макс Вебер
Max Weber
(1864-1920)

Вебер достиг своего ясного и глубокого видения мира только ценой нескончаемой борьбы. Он погружался в глубины, доступные лишь немногим. Его вовлеченность в события была таковой, что часто он выходил из битв с синяками. Но он вынес из них глубокое понимание природы человека и общества, что помогло созданию огромного неопределимого богатства для многих поколений как ученых, так и политиков. Беспристрастный интерес к испытаниям, трагедиям и иногда случающимся успехам социального действия сделал его непревзойденным до сих пор творцом искусства и науки социального анализа.

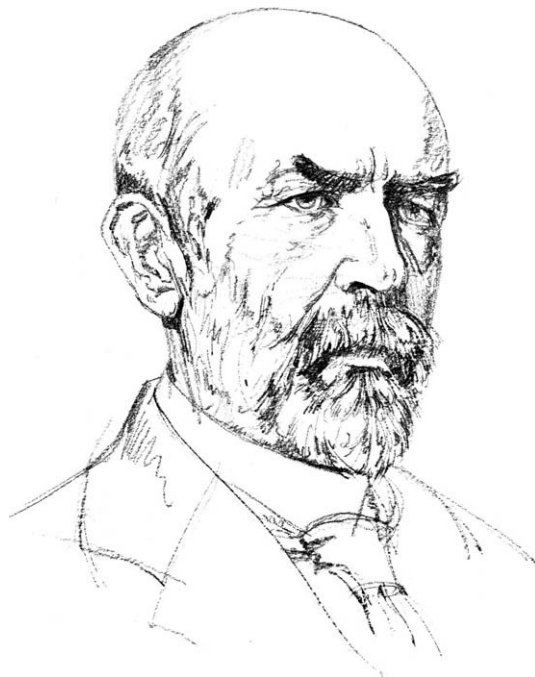
Из книги:
Козер Льюис А. «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте» М., 2006, с. 132.

Торстейн Веблен
Thorstein Veblen
(1857-1929)

Веблен не принадлежал к числу мыслителей самого высшего ранга, в сравнении с теми гигантами социальной мысли, творчеству которых посвящены главы настоящей книги. Однако его плодотворный интеллект, очевидно, способствовал развитию социальной теории на многие годы вперед. И хотя те аспекты американской культуры, против которых особенно язвительно выступал Веблен, давно ушли в прошлое, будущие поколения социальных ученых, несомненно, воспользуются его более широкими обобщающими заключениями, которые можно извлечь из его сочинений, хотя он часто и скрывал их за конкретной аргументацией. Примером тому может служить его нечеткое понятие «относительной депривации». Он в большей степени тяготел к социологии Монтеня, чем к социологии Вебера. Его место в развитии истории социальной мысли будет в значительной степени оценено ретроспективно будущими поколениями ученых.

Проведенный Вебленом анализ социально-психологических корней соревновательного (конкурентного) стиля жизни и поведения сохранит свою ценность даже в тех условиях, когда соперничество будет проявляться не при помощи показного потребления предметов роскоши, а, скорее, посредством наглядной демонстрации того, что принято считать показателями депривации. Его попытки объяснить образцы мышления людей влиянием их социального и профессионального положения будут стимулировать дальнейшие исследования даже в ту эпоху, когда сыновья инженеров станут придавать большее значение действию, а не здравому рассудку. Ученые, занимающиеся проблемами модернизации и развития, будут обращаться к его сочинениям даже тогда, когда объектами их исследований будут уже не Германия или Япония, а Нигерия или Малайзия. Веблена будут также продолжать читать многие из тех, кто стремится подражать этому серьезному моралисту, который скрывал свою глубокую ученость под маской веселого цинизма и который, казалось, стремился забавлять читателей, ниспровергая их социальные порядки.

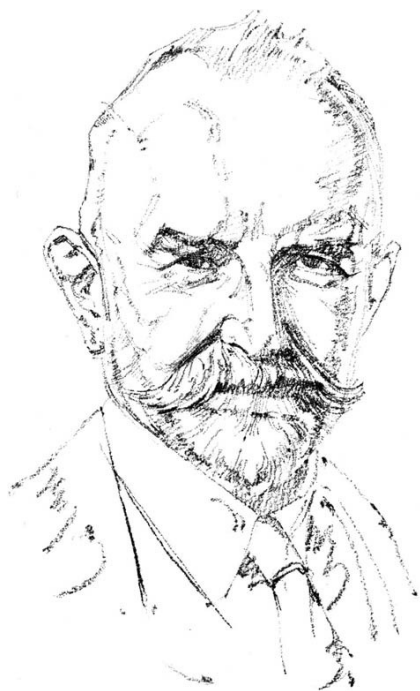
Чарльз Хортон Кули
Charles Horton Cooley
(1864-1929)

Скромные и непритязательные сочинения Кули, как теперь стало очевидным, оказали значительно большее воздействие на будущее развитие социологии, нежели амбициозные попытки некоторых его современников построить всеобъемлющие теоретические системы. Кто сегодня читает Уорда и Гиддингса? Кули заложил серьезные основы для построения теорий среднего уровня, и они выжили, тогда как огромные византийские конструкции некоторых других отцов социологии в наше время являют собой всего лишь живописные руины.

Кули был примером того ученого, которого сегодня часто иронически называют «кабинетным социологом». Поэтому особенно важно отметить, что плоды его толкований и интроспективного анализа по-прежнему остаются необходимыми элементами современной социологической мысли, тогда как труды многих собирателей фактов давно забыты. Те социологи, которые по складу характера не испытывают склонности к широкомасштабным эмпирическим исследованиям, могут воспринять духом: вполне возможно продвинуть вперед социальные науки, сидя в кресле. И если согласиться с утверждением Кули о том, что «социология позволяет нам чувствовать себя более комфортно в обществе людей», тогда можно приветствовать любой научный метод, который ведет к этой цели.

Из книги:

Козер Льюис А. «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте» М., 2006, с.236.

Джордж Герберт Мид
George Herbert Meade
(1863-1931)

Не только в отношениях с Дьюи, но, по-видимому, и с другими своими уважаемыми коллегами Мид никогда не стремился выдвинуться. Он был горд и счастлив тем, что мог дарить знания студентам, и высоко ценил студенческую аудиторию, которую неизменно привлекал. Он тратил много времени, поощряя и наставляя студентов, передавая им свое живое воображение. Но он никогда не стремился к созданию собственной школы. В течение всей жизни его влияние на других можно установить только по тому действию, которое оказывали его лекции и беседы на студентов и коллег. Более широкое признание пришло к нему только после посмертного опубликования его трудов. Поскольку студенческая аудитория тоже влияла на него, это влияние проявлялось в его лекциях и живых беседах, как Мид сам определил бы их – «значащих жестах», которые он вел со своими друзьями и студентами и ценил превыше всего. И в этом Мид походил на одного из философов древности, никогда ничего не писавших, но оставшихся жить в умах своих учеников, которые интересовались и преобразовывали высказываемые ими идеи.

Из книги:

Козер Льюис А. «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте» М., 2006, с. 272.

Роберт Эзра Парк
Robert Ezra Park
(1864-1944)

В годы своего преподавания в Чикагском университете и впоследствии Парк принимал участие в различных проектах социальных исследований вне стен университета, а также состоял членом многих социальных научных советов и комитетов. К нему с уважением прислушивались в различных международных фондах и исследовательских организациях. Поэтому его аудитория была гораздо шире университетской. Но большая часть его публикаций появилась в научных журналах или в книгах, ориентированных на академических читателей. Он писал для того, чтобы добиться признания не только у коллег в Чикагском университете, но и у таких личностей, как Кули (в Мичиганском университете) или Гиддингса (в Колумбийском), а порой он стремился быть услышанным и администраторами, осуществлявшими политику в области образования. Начав профессиональный путь как распространитель новостей среди широкой читающей публики, Парк решил, выбрав университетскую карьеру, обратиться почти исключительно к академической аудитории. И какой бы ни была эта потеря для широких масс читателей, социологическая наука может считать своей удачей такое изменение в карьере Парка, на которое он решился после встречи с Томасом в Таскеги.

Из книги:

Козер Льюис А. «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте» М., 2006, с.315.

Карл Маннгейм
Karl Mannheim
(1893-1947)

Маннгейм обладал хорошо сбалансированным умом и уравновешенным характером, и поэтому его вряд ли можно сравнить с полубезумным Контом – «жрецом человечества», привыкшим обращаться к своей парижской аудитории с религиозным пылом. И, однако, ощущается глубокое сходство между последними сочинениями Маннгейма и работами Конта. Оба они утрачивали в какой-то степени свое хладнокровие, когда, проповедуя язычникам, обращались от диагноза к пророчеству.

Не все произведения Маннгейма, написанные в английский период, были предназначены для широкой аудитории. Его работа «Человек и общество в годы реконструкции» (которая была частично написана в Германии), а также статьи, опубликованные теперь в III и IV частях его «Эссе по социологии и социальной психологии», демонстрируют исключительную способность к глубокому проникновению в сущность исследуемого в такой же мере, как и все написанное им в Германии. Но независимо от того, сколь значительным оказался вклад Маннгейма в поддержку демократических институтов в период реакции и усиливающегося кризиса, независимо от того, насколько эти его работы способствовали рождению современного «общества всеобщего благоденствия», их научная ценность уступает всем его сочинениям немецкого периода.

Маннгейм является одной из наиболее привлекательных фигур среди великих социологов. Будучи глубоко социально ориентированной и гуманной личностью, он воплотил в своей аналитической работе и реформаторских увлечениях одновременное стремление к глубокому пониманию человеческих земных злосюлючений и к активному вмешательству в общественные дела, которые в различной степени воодушевляют большинство социологов. И если он не всегда поддерживал в идеальном равновесии эти свои предпочтения, он похож в этом на многих социологов, живших до и после него, которым не удалось добиться лучшего.

Из книги:

Козер Льюис А. «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте» М., 2006, с. 368.

Питирим А. Сорокин
Pitirim A. Sorokin
(1889-1968)

Одиночество Сорокина, хотя и очевидное, никогда не было полным. Ему оказывали поддержку многие знаменитые европейские философы и историки, а также некоторые не американские социологи старшего поколения. Арнольд Тойнби относился к нему с глубоким уважением; Коррадо Джини, итальянский статистик, Луисо Мендьега-и-Нуньес, выдающийся южноамериканский социолог, и немец Леопольд фон Визе следили за его работой с постоянным вниманием. Но несомненно также и то, что мало кто из его друзей и коллег удостоивал Сорокина постоянным критическим вниманием. Порой у него было много студентов и всегда ряд преданных учеников, но, вероятно, очень немногие лица из его интеллектуального окружения были равными ему по своим интеллектуальным достижениям или положению. Если взять на себя смелость, можно предположить, что, будь в его окружении такие равные ему фигуры, многие изъяны социологических работ Сорокина можно было бы исправить и, несомненно, от некоторых из очевидных и явных несообразностей последних «пророческих» произведений можно было бы избавиться. Не имея такой постоянной критической поддержки своих коллег, Сорокин все больше и больше стал делить мир (в своеобразной ма-нихейской манере) на друзей и врагов, причем большинство американских социологов он относил к числу последних. Некоторые из его бывших студентов – Роберт Мертон, Уилберт Мур, Бернард Барбер, Эдвард Тириамян – оставались преданными ему. Но не создается впечатления, что они продолжали поддерживать с ним интеллектуальный диалог после того, как покинули Гарвард. И таким образом, подобно Огюсту Контю в конце его жизни, когда его исключили или он сам себя исключил из социального окружения и перестал поддерживать социальные связи, голос Сорокина становился все более резким, а взгляды – все более эксцентричными. Следует, вероятно, сказать, что многие из его последних работ тягостны для чтения. Он заплатил большую цену за свою социальную и интеллектуальную изоляцию.

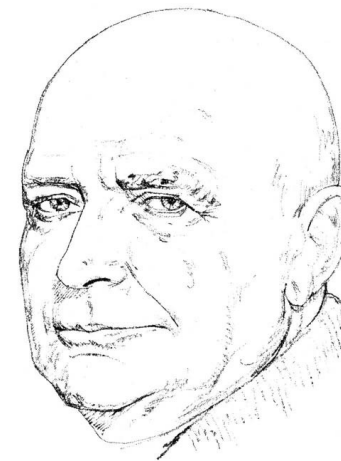
Из книги:

Козер Льюис А. «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте» М., 2006, с. 437.

Флориан Знанецкий
Florian Znaniecki
(1882-1958)

Уильям Айзек Томас
William I. Thomas
(1863-1947)

Томас и Знанецкий вышли из совершенно разных социальных сред и во многом были непохожи друг на друга по характеру, однако им удалось гармонично сотрудничать в работе над фундаментальным трудом «Польский крестьянин в Европе и Америке», который, вне всякого сомнения, является первой важной вехой в развитии американских социальных исследований. Память об этом будет сохраняться не только благодаря содержащимся в работе конкретным данным и методологическим подходам, но, главным образом, также и благодаря теоретической конструкции, совместно разработанной ее авторами.

После опубликования их общей работы авторы отнюдь не почтили на лаврах, но продолжали вносить каждый свой вклад, полностью соответствующий направленности их предыдущей работы. Продолжая разрабатывать предмет своих ранних интересов – социальные установки, – Томас создал сложную теорию социальной психологии, основанную на центральном понятии социальной ситуации, которое продолжает вдохновлять социологическую мысль нашего времени. Знанецкий, в свою очередь, начав разрабатывать структурные понятия, продолжал развивать многообещающий вариант теории ролей, и в работе «Социальная роль ученого» внес действительно важный вклад в социологию знания, которой предстояло развиться в Америке.

Трудно себе представить, каким бы оказался ход развития американской социологии без творческого вклада этих двух больших ученых. Несомненно одно: без их влияния американская социология оказалась бы намного беднее.

Из книги:

Козер Льюис А. «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте» М., 2006, с. 513.